

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**ГРЕГОРИ
САМАК**

ТАЙНАЯ
КНИГА

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С17

Gregory Samak
LE LIVRE SECRET
© Flammarion / Versilio, 2014

Фото автора Photo Astrid di Crollanza © Flammarion

Перевод с французского *Л. Ефимова*

Художественное оформление *А. Старикова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Вячеслава Лялюко*

Самак, Грегори.

С17 Тайная книга / Грегори Самак ; [пер. с фр.
Л. Н. Ефимова]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 256 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-86240-5

«Тайная книга» держалась в списке бестселлеров Amazon в течение двух месяцев. И это не случайно. Всё: необычный замысел, искусно переплетенные сюжетные линии, неповторимая атмосфера таинственности — призвано увлечь читателя, заставить его буквально «проглотить» роман.

Автор подкидывает тайну за тайной, и каждый раз вам, словно попавшему в лабиринт путнику, кажется, что вы уже близки к разгадке, но, увы, это оказывается иллюзией.

Как иллюзией оказалась уверенность героя, что историю можно изменить, и чтобы спасти человечество от Второй мировой войны и Холокоста, достаточно убрать с дороги того, кто завертел эту кровавую мясорубку — Адольфа Гитлера...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-86240-5

© Ефимов Л., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Луи-Элиасу, Раффаэле и Стефани

Я иду вперед с уверенностью
сомнамбулы по пути, начертанному
для меня Провидением.

1

21 декабря 1943 года

Ребенок передвинул белого коня на g3 и в тот же миг заметил, что через два хода неизбежно получит мат. Защититься невозможно. Однако выбора не было. Другие, даже те, кто был старше, наверняка зарыдали бы или еще как-нибудь проявили свое отчаяние, но он остался холоден, как мрамор, и лишь пристально глядел в ледяные глаза противника, словно замороженный их голубым блеском.

Офицер в темной шинели криво ухмыльнулся. Потом сплюнул черную от жевательного табака слюну на припорошенную снегом землю, под ноги охранников и узников.

О том, что победа за ним, ему было известно еще три хода назад...

И он двинул надменным жестом своего ферзя через три клетки, на h3.

Шах.

Ребенок почувствовал, как ему перехватило горло. Во взглядах зрителей, к кому бы они ни относились, к расе господ или недочеловекам, заключенным в лагере, промелькнул ужас, потому что все осознали безнадежность положения.

И все же мальчик упорно старался найти выход. Но выхода не было, и его лицо побледнело.

— Ходи! — рявкнул офицер.

Ребенок вздрогнул. На его глаза навернулись слезы.

— Ходи! — повторил офицер в бешенстве.

Тогда мальчик лихорадочно двинул своего короля: единственная, роковая возможность.

Нацистский офицер растягивал удовольствие, приберегая театральный эффект напоследок. Выпрямившись на стуле, он с рассчитанной медлительностью поставил черного ферзя перед белой пешкой на g5.

Шах и мат.

Ему даже не пришлось отдавать при-

каз: его люди сразу же схватили проигравшего. Затем, как и было предусмотрено, прижали правую руку ребенка к столу. Мальчик напрасно умолял, пытаясь избежать своей участи: никто не заступился за него.

Один из двух охранников, тот, кто был выше ростом, вытащил стальной тесак с тупым лезвием. Маленький мученик закричал и стал вырываться как одержимый. А хищник тем временем смаковал победу. Достал новый кубик жевательного табака и бросил себе в рот, не сводя глаз со сцены.

Палач оперся о край стола и одним махом отрубил ребенку указательный палец, раздробив кость посередине.

Мраморную шахматную доску залило струей алой крови.

Свидетели этой сцены разделились: одни испытывали злорадство, другие тошноту; но вопли кричавшего от боли ребенка в лагере № 1 слышали все.

Издалека донеслась очередь энного расстрельного взвода, прикончившая се-

10 *Грегори Самак*

мью, уже измученную бесконечным путешествием...

А из-за отрубленного пальца, упавшего на грязный и зловонный плац главного лагеря, с омерзительной жадностью дрались собаки.

I

Rex¹

2

Первая половина XXI века Вена, Австрия

Элиас был одиноким пожилым человеком. У него, как и у большинства людей его возраста, были свои привычки и нелепые маленькие причуды, а также смутное ощущение, что жизнь прожита недостаточно полно. Он с особой тщательностью раскладывал и расставлял личные вещи. В его платяном шкафу висели безупречно выглаженные рубашки, а обувь была распределена по цветам и начищена до блеска с таким усердием, что это граничило с одержимостью.

Однако было в старике и кое-что таинственное. В важные моменты своей жизни он бессознательно воспроизводил один и тот же ритуал: беззвучно пробегался

¹ R e x — царь, владыка, король (*лат.*).

пальцами правой руки по клавишам воображаемого фортепьяно, принадлежавшего только ему. И даже через тридцать с лишним лет после смерти жены он по-прежнему накрывал стол на двоих.

* * *

Его фамилия была Эйн. Он происходил из большой и старинной еврейской семьи из Восточной Европы, но вся его родня исчезла в катастрофе войны и отныне полностью принадлежала прошлому.

Элиас и его сестра Елена оставались последними, кто носил эту фамилию, но оба были бездетными, а теперь к тому же и стариками.

К началу XXI столетия у них сохранились лишь смутные воспоминания о том, что когда-то рассказывал их отец, а до него отец их отца — далекие отголоски минувшего золотого века.

Но Элиасу досталось от того времени и кое-что материальное: старинная музыкальная шкатулка, которой он дорожил больше всего на свете. Ее в детстве подарила ему мать.

Шкатулка была из кедрового дерева с перламутровой инкрустацией. Ее механизм, спрятанный за вторым дном, заводился с помощью маленькой стальной рукоятки на боковой стенке. И спустя столько лет он все еще превосходно исполнял знаменитую мелодию Рахманинова из «Рапсодии на тему Паганини», opus 43. Это была его любимая вещь.

Все наследство Элиаса ограничивалось содержимым этой шкатулки. Под крышечкой с шахматными мотивами открывалось внутреннее, затянутое потертым пурпурным бархатом пространство, вмещавшее стариковские сокровища: три семейные фотографии с обтрепанными уголками, золотое обручальное кольцо, пачка писем и неисправный пистолет «Люгер».

Это оружие он унаследовал от отца и хранил его как реликвию, в память об ужасных временах, пережитых его родными.

Элиас ничего не смыслил в политике. Впрочем, он был также не слишком общителен. Его нелюдимость окончательно одержала верх, когда ему было тридцать три года. Он тогда потерял Анну, супругу,

единственную спутницу жизни, так и не подарившую ему ребенка. Обручальное кольцо, пролежавшее в шкатулке больше тридцати пяти лет, было его собственным.

Он долгие годы провел в Вене, где служил в большой страховой компании Майера, день за днем добросовестно исполняя свою работу и не привлекая к себе внимания.

Казалось, что он до конца исполнил свое предназначение — быть человеком простым и незаметным. И, оказавшись на пороге семидесятилетия, желал лишь одного: уйти на покой, уехать подальше от этого города и как можно дольше дожидаться момента, когда ослабевшее тело окончательно ему изменит и станет добычей смерти.

Он откликнулся на объявление о продаже дома. Венский агент по недвижимости с Райнергассе предлагал приобрести по сходной цене скромное жилище в Верхней Австрии, в Браунау-на-Инне, маленьком местечке на австро-германской границе.

Конечно, лето там было удушливо-жарким, а зима суровой, но вокруг простирались обширные леса, благоприятные для одиноких прогулок.

Кроме того, дом с охристым фасадом и белой окантовкой окон обладал собственной душой. Как ему сказали, он был построен больше двух веков назад для таможенного инспектора. Расположенный на окраине городка, дом словно бросал вызов годам. Наверняка уборщица потратила не один час, чтобы придать ему презентабельный вид. Хотя ей так и не удалось скрыть обшарпанность стеной обшивки и лакированных поверхностей. Вместе с домом Элиас приобрел ради удобства и находившуюся в нем старинную мебель.

Согласно объявлению там было по меньшей мере шесть комнат. На антресольном этаже находилась кухня со старой угольной плитой и массивным деревянным столом. Рядом была маленькая гостиная, куда Элиас сразу же поставил коричневое бархатное кресло с «ушами» и книжный шкаф, привезенный из Вены. Вторая — просторная, буржуазная, с резными панелями на стенах — служила комнатой для приема гостей.

На втором этаже было две спальни. Элиас выбрал более просторную, а дру-